

Шамиль Хайров

Графика как объект лингвистической имагологии. О некоторых типах эстетических и идеологических оценок дореформенной кириллицы в России до и после 1918 г.

1. *О предмете лингвистической имагологии*

Цель настоящей статьи – рассмотреть некоторые типы оценочных суждений о буквах кириллического алфавита и о кириллице как о графической системе в целом с позиций лингвистической имагологии. Объектом лингвистической имагологии являются всевозможные оценки того или иного языка или его элементов как извне, так и самими носителями, а задачей – установление связей этих оценок с внеязыковыми стереотипами и установками – этническими, социальными или идеологическими. Лингвистическая имагология органично вписывается в комплекс междисциплинарных исследований национальных стереотипов (представлений одним народом других и себя самого на фоне других) в различных дискурсах, который, собственно, и принято называть имагологией (Leersen 2007)¹. Лингвистическая имагология вполне естественно вписывается и в еще более расширенное поле имагологии – как знания об образах различного свойства (Бойцов 2010: 7). Действительно, при таком понимании материал имагологии не ограничивается лишь образами ‘чужого’, но включает в себя и образы ‘своего’, получающего оценку с различных точек зрения. Следует подчеркнуть, что основная задача лингвистической имагологии – не в том, чтобы творить лингвистические мифы, как это обыкновенно происходит в жанре лингвистической культурологии², которая занята поиском языковых картин мира на этнической основе, а эти мифы обнаруживать, систематизировать, выявлять их истоки и идеологическую подоплеку, в самом широком понимании идеологии как внелингвистического мотива.

Наиболее богатый материал для лингвистической имагологии дают прежде всего суждения о языках через оценки их грамматики³ и лексики – обыкновенно той, что за-

¹ Leersen 2007: 17-32. Об имагологии см. также веб-портал группы по исследованию культурных стереотипов: <<http://imagologica.eu/>> (последнее посещение 19.08.17)

² Системная критика мифотворчества лингвокультурологов дается в сборнике: Павлова 2013.

³ Яркие ‘образы грамматик’ отдельных языков оценки можно найти в текстах самого различного толка, например, в эссеистике писателей и переводчиков (см., к примеру, Khaïrov 2014). Если говорить о письменной культуре прошлого, то религиозно-идеологическая интерпретация глагольных форм в дебатах о книжной справе XVII в. является главной темой работы В. Семакова (Семаков 2002) и дает немало ценного материала для лингвистической имагологии.

числяется в разряд ‘ключевых слов’. Немало стереотипов, особенно на уровне молвы, существует в отношении звучания того или иного языка или диалекта. Для имагологии интересны как типы оценок и устойчивых образов при восприятии того или иного языка или его отдельной подсистемы, так и механизмы мифологизации этих оценок. Графика – одна из таких подсистем, порождающих устойчивые оценочные интерпретации.

2. Дореформенная буква как идеологема

В августе 2016 г. российская общественность узнала о назначении новым министром образования и науки человека, известного своими одиозными обскурантистскими высказываниями. Эта новость вызвала волну саркастических заметок в печати и Интернете, одной из которых была и мгновенно разошедшаяся запись в блоге известного журналиста А. Бабченко с остроумным названием *ЕрЪ ПобѣдимЪ!* Для наших целей имеет смысл привести здесь основную часть этой исполненной сарказма записи дословно:

Ер, ять и ижица – вот те три столба, на которых держится современная наука двадцать первого века. Долженствование изучения консерватизма, сталинизма и православия делает людей более лучше грамотными. А также ношение платка. И иконами. Пойду учить правописание фиты в глаголице. Дабы врагам просвещения неповадно быть! Прошу всевозможествования в науках. ЕрЪ ПобѣдимЪ!⁴.

Важную роль в достижении саркастического эффекта здесь играют и архаическая лексика, и грамматика, и скрытая цитация, но прежде всего – дореформенные буквы русской кириллической азбуки – используя всю эту архаику Бабченко издевается над пропагандируемой властями идеологией ‘скреп’ с прошлым. Легко заметить, что само название текста подразумевает не букву *ep*, а иную букву – *xep*, название которой когда-то выполняло роль эвфемизма, заменяющего нецензурное слово, а затем и само стало практически нецензурным и в своем синтаксически обусловленном значении в сочетании с глаголами будущего времени служит для выражения отрицания: “Ер победим” = “Хер победим” = “Не победим”. Этот пример из блога журналиста наглядно демонстрирует, что несмотря на изгнание буквы Ѣ [ятъ] из русского алфавита в 1918 г. и на изменение функции буквы ѣ [ep], которая теперь употребляется лишь как разделительный твердый знак, они продолжают жить в сознании многих носителей языка как идеологемы – для одних, как для А. Бабченко, принимая во внимание его сарказм – как символы обскурантизма, а для других – как символы утраченной и идеализируемой дореволюционной России, а то и Святой Руси. Такая поляризация оценок букв алфавита уходит корнями к временам самих орфографических реформ в славянском мире и спорам о них.

⁴ <<http://echo.msk.ru/blog/ababchenko/1823532-echo/>> (последнее посещение 20.05.17).

Всплески апологии по отношению к исключенным из алфавита буквам приходятся в двадцатом веке на период первого пореформенного десятилетия, т.е. на конец десятых–двадцатые годы – как реакция на ломку исторических традиций, и на конец восьмидесятых–девяностые годы – как форма преодоления советской наднациональной идеологии в поиске ‘утраченной’ национальной идеи. Именно в годы распада СССР в России стали популярными названия газет, вывески и логотипы, содержащие буквы дореформенной азбуки: “Коммерсантъ”, “Губернія”, “Трактиръ”, “На днѣ” и т.п. Процесс намеренной архаизации происходил в эти годы одновременно с экспансией латиницы в публичное печатное пространство русской речи, что отражало и включение страны в мировой контекст и реинкарнацию противостояния сторонников западного (“рыночного”) и особого (“духовного”) путей развития страны. Эксплуатация этих двух направлений могла порождать самые нелепые эклектичные формы – сапоги всмятку, как, например, название магазина “Торговый домЪ МороZовой”, замеченное нами в 2004 в г. Петрозаводске, в котором уживаются дореформенный ъ на конце одного слова и латинская буква z в середине другого. Буква ъ в этой вывеске, очевидно, должна вызывать ассоциации с традициями русского купечества, а буква z – служить признаком открытого “окна в Европу”. Сама возможность подобной идеологической интерпретации употребления этих букв в данном контексте делает его материалом лингвистической имагологии.

Заметим, что в обоих приведенных примерах оценка и идеология не явлены непосредственно, а предполагаются нами через нашу интерпретацию, однако в текстах, предметом обсуждения которых является собственно язык, сами оценки звучат вполне открыто. В последующих разделах будут рассмотрены некоторые типы непосредственных оценочных суждений о кириллической азбуке как в зависимости от фокуса оценок, так и от сопутствующих им идеологических установок. Вопросы функционального соответствия букв принципиальным задачам графики и орфографии остаются вне рамок данной статьи.

3. *Оценка функции и идеологизация начертания буквы. Мистический иконизм*

Основным техническим (функциональным) критерием оценки графической системы является ее соответствие фонетико-фонологической системе конкретного языка. Именно гармонизация этого соответствия и является основной причиной реформ графики. С функциональной точки зрения связь между начертанием и звуковым значением буквы произвольна: глаголические буквы так же хорошо могут справляться с основной функцией – передачей звука на письме, – как и кириллические или латинские или любые другие, при условии, что их достаточно для данной звуковой системы (ср. использование дополнительных букв – например, латинского йота (j), ħ, њ, њ в сербском, буквы ш во всех кириллических алфавитах и компромиссные решения в виде диграфов или диакритических знаков в славянских латиницах для обо-

значения того же звука [ш])⁵. В дополнение к системному соответствию ‘графический знак – звук’ в функциональном аспекте учитывается и способность буквы указывать на грамматические отличия. Так, А.И. Солженицын, опубликовавший свои соображения по поводу офографической реформы 1918 г., называет эту реформу энтропийной, т. е. приводящей к размыванию, ‘нивелировке’ важных различий (лексических, падежных, произносительных), отображаемых, в частности, буквами ъ и і (Солженицын 1983: 557-559). Что касается идеологического критерия, то, учитывая роль алфавита в жизни общества, он зримо или скрыто всегда присутствует в дебатах о буквах, поскольку само желание реформ и противодействие им можно рассматривать как форму идеологии⁶. Кроме основной (фонетической) функции буквы объектом технической оценки часто становится само ее изображение, а именно - перцептивная различимость элементов (удобочитаемость), геометрическая выразительность графических средств, эргономические свойства (экономия движений при письме) и даже расход чернил на её компоненты⁷. В числе предложений по реформированию русской графики были, к примеру такие: отбросить букву и и использовать только і, так как она занимает вдвое меньше места; отбросить букву ъ, так как ее использование требует лишней бумаги, краски и времени на изображение (Панов 1965: 64, 67). От оценки технической – лишь один шаг к оценке эстетического порядка, в которой изначально заложен элемент субъективизма по причине отсутствия идеального образца. В отличие от технических эстетические оценки вполне можно считать видом оценок идеологических (при широком понимании идеологии), что хорошо применимо при анализе различных мистических интерпретаций букв, где они наделяют-

⁵ Не случайно в начале тридцатых годов двадцатого века в СССР всерьез разрабатывались проекты полной или частичной латинизации русской графики, а в латинизации график для языков народов СССР были достигнуты значительные успехи. См., к примеру: Alpatov 2015; Коркмасов *и др.* 1933.

⁶ Наиболее выпукло оппозиция и связанность функционального и идеологического аргументов в истории кириллических алфавитов, на наш взгляд, может быть представлена результатом введения Вуком Караджичем буквы *j* в сербский кириллический алфавит в середине XIX в. Эта буква, несмотря на функциональное удобство, вызвала шквал протестов со стороны ортодоксов, для которых она символизировала обращение в католицизм (см. об этом: Поповић 1981).

⁷ Рассуждая о визуальном восприятии печатной кириллицы пользователями латиницы, К. Треебюс (Treibus 1993: 66-71) озвучивает распространенное мнение, что “кириллическое письмо выигрывает в фонетическом отношении, но по критериям удобочитаемости и эстетики выигрывает латинский алфавит”. “В типографском аспекте, – замечает автор, – на кириллические буквы реагируют часто как на ‘старомодные’, ‘скупные’, ‘трудночитаемые’ и т.п.”. Сам автор, помимо прочего, находит причину “жесткости” и “статичности” кириллицы в большей ширине кириллических букв по сравнению с латинскими и в относительно низком количестве выступающих за строку элементов – “палок” и “хвостов”. “Это приводит к тому, – пишет Треебюс, – что строки кириллического текста следуют одна за другой как монотонная серая лента”.

ся эстетическими свойствами в зависимости от идеологической установки. Там, где идеологическим фоном оценки выступает апология старины или вероисповедания, кириллическая азбука, и в гораздо большей степени ее предшественница глаголица, нередко связываются с мистическим или религиозным откровением, не говоря уже о символической нагрузке буквенных начертаний. Именно в этом ключе чаще всего даются интерпретации, связанные с внешней формой букв азбуки, с ее изображением⁸. Что же касается кириллицы, то ее оценочно-символическая интерпретация, популярная в первые послереволюционные годы прошлого столетия, выражалась в иероглифической антропоморфизации буквенных начертаний, которую можно назвать мистическим иконизмом. Образцом мистического иконизма по отношению к дореформенной азбуке является эссе Сергея Есенина *Ключи Марии* (1918 г.) (Есенин 1962). В этой работе Есенин, тогда уже признанный поэт, рассматривает азбуку как составную часть русской крестьянской эстетики и интерпретирует изобразительную сторону азбуки, причем мистическое прочтение Есениным букв опирается исключительно на их начертание:

Люди должны научиться читать забытые ими знаки. Должны почувствовать, что очаг их есть та самая колесница, которая увозит пророка Илью в облака. Они должны постичь, что предки их не простыми завитками дали нам фиту и ижицу, они дали их нам, как знаки открывающейся книги, в книге нашей души. [...] а есть не что иное, как образ человека, ощупывающего на коленях землю. Опершись на руки и устремив на землю глаза, он как бы читает знаки существа ее. Буква б представляет из себя ощупывание этим человеком воздуха. Движение его уже идет от а обратно. [...] Знак сидения на коленях означает то, что между землей и небом он почувствовал мир пространства. [...] Прочитав сущность земли и почувствовав над нею прикрытое синим сводом пространство, человек протянул руки и к своей сущности. Пуп есть узел человеческого существа, и поэтому, определяя себя или ощупывая, человек как-то невольно опустил свои руки на эту завязь, и получилась буква в. [...] Его движения через символы знаков, тех знаков, которыми он ищет своего примирения с воздухом и землею, рождают весь дальнейший порядок алфавита, который так мудро оканчивается фигурой буквы я. Эта буква рисует человека, опустившего руки на пуп (знак самопознания), шагающим по земле, линии, идущие от середины туловища буквы, есть не что иное, как занесенная для шага правая нога и подпирающая корпус левая. [...] Он [человек] захотел найти свое место в пространстве, и обозначил это пространство фигурой буквы ө [фита]. За этим знаком пространства, за горою его северного полюса, идет рисунок буквы в [ижица], которая есть не что иное, как человек, шагающий по небесному своду. Он

⁸ Наиболее богатый для лингвистической имагологии материал дают опыты интерпретации именно глаголицы. См., к примеру, окрашенные религиозной апологетикой символические толкования Л.Б. Карпенко (1998: 73-76), неоднократно перепечатанные в православной периодике, или историю поиска сакральных элементов в симметрии глаголических букв в статье Б.Успенского (Uspenskij 2013).

идет навстречу идущему от фигуры буквы я (закон движения – круг). Волнообразная линия в букве ө означает место, где оба идущих должны встретиться (с. 40-44).

Мы видим, что лишь отдельные буквы подвергаются у Есенина иероглифическому прочтению, хотя теоретически символично-иконическую интерпретацию можно подвести под начертание любой буквы. Идеологическим фоном здесь, как во многих оценках консервативного толка, выступает апология традиции и ‘утерянной’ старины, что дает простор сравнениям и метафорам определенного типа. Образы Есенина очень наглядны, красочны и поэтичны, но сама доказательная база в таком жанре не имеет существенного значения. В данном произведении Есенина, включая и буквенные образы, можно увидеть и более глубокую идеологическую основу. М. Никё полагает, что в нем поэт предстает носителем гностической традиции, популярной в теософии и антропософии тех лет: “Гностицизм является прежде всего учением о спасении через знание (гнозис), а не через веру – через знание того, ‘кто мы, откуда мы, куда мы’. Это знание – достояние немногих ‘совершенных’, ‘избранных’, оно является самопознанием (буква Я для Есенина – знак самопознания в виде человека, опустившего руки на пуп)” (Никё 1997: 125-126). Такое толкование внешнего вида букв было не новым в те годы: известно, что другой русский поэт – Николай Клюев, по свидетельству М. Бахтина, выступая в 1917 г. в Религиозно-философском обществе, читал свою *Русскую азбуку*, “истолкование различных букв, поэтические метафоры к каждой букве” (Бахтин, Дувакин 2002: 196). *Ключи Марии*, возможно, представляют собой стилистическую обработку идей Клюева, который имел в те годы сильное влияние на Есенина⁹.

Типологически сходные характеристики очертаний букв азбуки можно обнаружить в докладе по защите старой дореформенной орфографии, подготовленном в 1928 г. Д. Лихачевым (Лихачев 1993), тогда молодым студентом и членом самостоятельной “Космической академии наук”, а позднее – академиком, выдающимся специалистом по древнерусской литературе и культуре¹⁰. В докладе повторяются некоторые положения из *Ключей Марии*, но приводятся и иные аргументы в защиту исключенных в 1918 г. букв старой орфографии, – а именно, аргументы функционального и визуально-перцептивного порядка, на которые накладывается идеологическая апологетика старины. Так, в ‘утилитарном’ рассуждении, имеющем отношение к визуальному восприятию графики, говорится, что чем больше выступающих за строку

⁹ Никё (1997: 124) обнаруживает, что первоначальный вариант этого сочинения посвящался именно Клюеву.

¹⁰ Доклад не был прочитан, так как “Космическая академия” была разогнана, ее члены арестованы, а студент Дмитрий Лихачев был отправлен отбывать пятилетний срок в лагеря на Соловецкие острова. Тезисы доклада долгое время считались утерянными, однако были после распада СССР обнаружены в архивах КГБ и опубликованы. Как указывает сам автор в предисловии к публикации 1993 года, приводимые аргументы имели полушутливый, полусерьезный характер и были реакцией на беспощадное наступление на церковь.

букв, тем совершеннее алфавит, и, следовательно, “выбрасывать из алфавита две выступающие вверх буквы (ѣ, і) было непростительной ошибкой”. Примером собственно идеологической интерпретации начертания буквы в докладе Лихачева может служить аргумент в защиту буквы ѣ, где он воспринимает верхний элемент ее изображения как церковный крест:

Подобно тому, как церкви направлены алтарями и крестами на восток [...], подобно этому и в ѣ вынесенный над строкой крест направлен навстречу бегущим буквам; он как бы приставлен сбоку корпуса, символизирующего собой само здание церкви, направлен навстречу читающему глазу, благославляя и освящая собой весь ряд букв в строке (с. 51).

Сама реформа орфографии в докладе, который разбит на три “рассуждения” – “утилитарное”, “эстетическое” и “православное”, – названа делом антихриста, что задает идеологический тон всем оценочным суждениям автора о дореформенных буквах, включая и эстетическое. “Утилитарное” у Лихачева вполне соответствует “функциональному” в нашем понимании, а “православное” – “идеологическому”.

4. *Дореформенная буква как носитель преемственности культуры и как сертификат грамотности*

В “эстетическом” и “православном” рассуждениях Д. Лихачева содержатся и другие положения, которые имеют под собой нефункциональную ценностную платформу, и их можно также отнести к идеологическим, например: “Старая орфография эстетически более приемлемее как более трудная для изучения и представляющая более высокий уровень грамотности пишущего. Старая орфография эстетически приемлемее как вызывающая у каждого массу ассоциаций личного характера и из истории русского языка. Например Ѡ [фита] вызывает представления о культурных взаимоотношениях с Грецией (Византией)”. Нетрудно заметить, что в отличие от аксиологической системы координат реформаторов, “трудность изучения” является у Лихачева скорее достоинством, чем недостатком графической системы, и этот аргумент при оценке дореформенной кириллицы встречается неоднократно. Мы видим также, что у Лихачева само понятие “эстетичности” в данном рассуждении уже не относится собственно к геометрии буквы, а связывается с культурно-исторической традицией. Хотя оценки внешнего вида букв в докладе также имеются – к примеру, в отношении ера и ижицы, но и те даны в том же ключе – с привлечением образов иконописи и в духе апологии старины:

“Ъ” часто является заключительной виньеткой к слову. Это одна из самых красивых букв. Ижица пленяет своей редкостью. Это не столько буква, сколько украшение. Даже графическое начертание ее идет в разрез с всем русским алфавитом. Всю русскую азбуку можно сравнить с приготовленным к иконописанию материалом.

Простые буквы, в большинстве случаев соответствующие звукам, можно будет сравнить с чистыми красками: синий, белый, зеленый, желтый и т.д.; “Ѣ” следует уподобить золоту, серебру, а “Ѵ” (ижицу) драгоценным камням (с. 49-50).

В своем заключении автор доклада заявляет, что введение новой орфографии равносильно изъятию церковных ценностей, выражая в открытой форме свою идеологическую позицию, которая, безусловно, накладывается и на рассуждения, которые сам автор назвал “утилитарными”.

Главной причиной исключения букв из кириллического алфавита в периоды реформ была либо утрата либо дублирование ими различительной фонетической функции, т.е. исключительно функциональный аргумент, ставящий конечной целью простоту и однозначность. Буква Ѣ была удалена по причине фонетического слияния с буквой е, и у сторонников очищения алфавита ее избыточное присутствие в азбуке получало негативную оценку. Они навешивали на нее всевозможные негативные ярлыки: “Буква Ѣ, потеряв настоящий свой выговор, походит на древний камень, не у места лежащий, о который все спотыкаются и не относят его в сторону затем только, что он древний и некогда нужен был для здания” (Д.И. Языков, 1809 г.); “[...] Лучше, конечно, если бы с этим корневым (т.е. употребляемым в корнях слов – Ш.Х.) Ѣ было порешено так же, как и с крепостным правом, кормившем многих, а вред приносившем целому государству. Предписать официально - не считать за ошибку учителям отсутствие Ѣ в корне – и всё с плеч долой. Тогда время и деньги, идущие на содержание этой глсты, нашли бы для себя лучшее применение” (И.А. Нигпарт, 1877 г.). Одной из ролей, приписываемых букве Ѣ, была роль “патента” на грамотность, причем эта роль могла получать как позитивную, так и негативную оценку. Как и у активного методиста-преподавателя Нигпарта, у беллетриста и журналиста П.А. Яковлева эта оценка также негативна: “Вот еще буква бесполезная; но которая как пронырливый лицемер или хлопотливый бездельник, сделалась не только нужною, но необходимою, полезною – она одна может дать вам патент на звание грамотного и ученого человека – только узнайте наперед, где ее употреблять...” (1828 г.) (Панов 1965: 54). Замечание аналогичного рода находим у А.И. Герцена в *Былом и думах* (гл. 18), где он вспоминает о том, как все чиновники, “состоящие в подозрении образования и уместного употребления буквы ‘ять’”, что должно было демонстрировать их грамотность, были призваны для помощи в издании провинциальных печатных органов по приказу министра юстиции.

Таким образом, именно отсутствие простоты, в отличие от реформаторов, в консервативном понимании становится достоинством. Один из тезисов “эстетического рассуждения” у Лихачева прямо указывает: “Старая русская орфография эстетически приемлемее как более трудная для изучения и представляющая более высокий уровень грамотности пишущего”. Значительное место в сочинении Лихачева посвящено роли буквы ‘ять’ как хранительницы культурных и религиозных связей и традиций: “Разве случайно, что через ‘Ѣ’ пишутся исконно русские слова и по боль-

шей части православно-церковные: вѣра, вѣчность, вѣнец, а не чёрт или пекло, печь. Не погасла ли в стране нашей вѣра от того, что мы стали писать ее через 'е' (с. 49). Заключительный риторический вопрос наиболее ярко демонстрирует тип идеологической оценки графики через призму религиозной апологетики. Эту оценку можно отнести к тому же типу сакрализации буквы (по употреблению в сакральных словах), что и предписание азбукownika XVI в, приведенное в популярной книге Льва Успенского.: "Везде пиши 'пса' покоем (т.е. через букву п ('покой')), а не псами (т.е. не через букву П ('пси')): кое общение псу со псалмом?!" (Успенский 1973: 20-24).

Аналогичную роль отводит автор *Медитаций* фите [Ѡ] и ижице [ѵ]: Уничтожив 'Ѡ', они (имя которым легион) хотят предать забвению ту ненавистную [им] связь, которая существовала когда-то между Византией и Русью, Россией. Уничтожив 'ѵ' (ижицу), они пытались достигнуть еще более ужасных целей: отторгнуть Россию от небесной благодати (вспомним те слова, которые пишутся через 'ѵ'). (Лихачев 1993: 51). Метафоры и сравнения, используемые в докладе Лихачева демонстрируют, как легко идеологическая апология подводится в поддержку любого аргумента внешне технического порядка. Эти образы дают также основания для более детальной классификации образов апологии по предмету сравнения. У Лихачева эта образность связана с иконописью, церковной архитектурой, историей церкви и традицией, и соответственно – с неприятием установок на новизну при новой безбожной большевистской власти.

Сочувственно и с подобных лихачевским позиций относится к букве Ѣ известный петербургский русист В. В. Колесов (1988). По его мнению, с изгнания буквы Ѣ началось уничтожение в русском языке высокого стиля, результатом чего стала, по его определению, "люмпенизация" языка печати. Колесов обращает внимание также еще на один критерий оценки, внешне – научно-лингвистический, а если взглядеться – то также являющийся формой апологии старины и традиции, а именно - на то, что данная буква могла служить показателем исконности слова: "Наличие в слове буквы 'ятъ' доказывает его русскость (в иностранных словах эта буква не употреблялась)" (с. 213). Из рассмотренных, а также многих других примеров, можно увидеть, что эстетическое и мистическое восприятие роли и формы букв у защитников старой орфографии очень плотно переплетаются. И даже такой 'технический' аргумент, который связан с практикой обучения азбуке и овладением грамотностью, может получать противоположные оценки в зависимости от идеологической установки.

5. *Защита старой азбуки в жанре современного духовного стиха*

Описание необычного и яркого образца апологии старой азбуки содержится в обстоятельной статье британского слависта Дж. Салливана (Sullivan 1996-1997) *Старообрядцы и орфографическая реформа в двадцатом столетии*. Работа Салливана, помимо основных исторических сведений о реформах, которые претерпела русская азбука, содержит публикацию и подробный комментарий рукописного стихотворного сочинения старOVERA с Кубани Анания Килина (1916-2002), напи-

санного в годы распада СССР и посвященного защите удаленных в разные эпохи букв азбуки. Салливан обнаруживает в произведении русского старообрядца своеобразно обработанную компиляцию текстов Д.С. Лихачева, А.И. Солженицына, а также переизданного в новое время учебника церковнославянского языка А. Гамановича. Ниже приводятся фрагменты публикуемого Салливаном сочинения Килина, которые можно истолковать как образец перенесения апологии буквы не только в идеологическую, но и в особую жанровую плоскость (строфы приводятся выборочно):

ЗАЩИТА СЛОВ

- 3 Защита слова ерь, твердый знак
 Без' ерь все слово - какъ пльный обнаженный
 разумный стражъ, вѣками подкрѣплѣнный
 домъ без замка не можетъ быть никакъ.
- 5 Без' ерь все слово - срезаное: какъ
 без' хвостый конь, и песь, хвоста лишенныи
 без' ерь пишеть лишь ума лишенныи: такъ
 все буквы грудить в общій кавардакъ.
- 10 Измѣнчиваго Є разцветь, и скрѣпа
 лицо в лицо гладить на честныхъ лть
 одинаковое Є вѣзде писать не лѣпо
 того лишь варваръ не сумѣлъ понать.
- 15 Взамѣнъ ѳиты два круга фертъ не лѣпо
 ї с точками, тонк їй жезликъ наконецъ
 пролепетать несвязно непропѣто
 а иже, с двойною палкою, так ходит лишь слепецъ
-
- 101 А кто не хочетъ знать букву ять
 кто пренебрѣгаетъ буквой ижица
 тот не можетъ в тонкости понать
 а неразуміе к нему такъ и близитса.
- 105 А кто не хочетъ знать букву ѳита
 и где и когда она ставитса
 тому близка незнаніа черта
 и он в незнаніи о ней состаритса.
-

137 И почему же буквы так обезславились
 ета потѣра кажетса обѣзсвѣчиваниемъ ихъ
 какъ пишеть Александръ Исаевичъ
 ибо тонкость интонации губитса безъ нихъ.

.....

146 Исаичъ намъ пишеть изъ вне
 но кто же скажетъ о нихъ добраго слова
 въ родимой нашей душевной стране¹¹.

Килин не только защищает изгнанные буквы, но и сам, пусть и не до конца последовательно, употребляет буквы Ѣ [кси], і [и десятиричное], ▲ [юс малый], Ъ [ять] и ъ [ер] в своем пафосном сочинении. Что касается атрибуций источников этого компилятивного произведения, то не все они кажутся убедительными: к сожалению, вне поля зрения Салливана осталось стихотворение К. Бальмонта *Гонимым*, опубликованное поэтом в эмиграции в 1924 г. как реакция на новую большевистскую орфографию (Бальмонт 1924: 230). Так, источник заимствования в первой строке Салливан находит у Лихачева, в третьей – в грамматике церковнославянского языка Гамановича, а в одиннадцатой и тринадцатой – в заметках Солженицына. В действительности первые шестнадцать строк в духовном стихе Килина являются почти дословным вкраплением указанного стихотворения Бальмонта, а в качестве названия к своему сочинению Килин заимствует словосочетание из начала бальмонтского – *Защита слов(а)*. Для демонстрации этого источника компиляции в духовном стихе Килина уместно полностью привести сонет Бальмонта, который сам по себе является ярким образцом апологии старой азбуки:

ГОНИМЫМЪ

Защита слова Ъ, о, твердый знакъ,
 Без Ъ все слово – пьяный, обнаженный.
 Разумный стражъ, вѣками подкѣрпленный,
 Домъ безъ замка не можетъ быть никакъ.

Безъ Ъ все слово – срѣзанное “Квакъ!”
 Безхвостый конь, и песь, хвоста лишенный.
 Без Ъ лишь коммунисть умалишенный
 Все буквы грудить в общій кавардакъ.

Изменчиваго Е расцвѣтъ и скрѣпа,
 Лицо въ лицо, глядитъ на честныхъ Ъ
 Того лишь варваръ не сумѣлъ понять.

¹¹ Sullivan 1996-1997: 18-22.

Взамѣнь Ѡ два круга Ф нелѣпо.
І съ точкой, тонкій жезликъ, наконецъ,
Двойною палкой пишеть лишь слѣпецъ.

Обращает на себя внимание факт, что Килин проявляет осторожность, меняя сочетание “коммунист умалишенный” на “лишь ума лишенный”, несмотря на то, что его сочинение создавалось в 1993 г., т.е. после августовского путча 1991 г., приведшего к отстранению коммунистов от власти. Что же касается самого исходного стихотворения Бальмонта, то оно было вставлено им в обширный очерк апологии дореволюционного русского языка, в котором поэт отождествляет дореформенную графику и орфографию с иконой, а самого себя со старообрядцем, что, возможно, было дополнительным стимулом вкрапления его стихотворения Килиным в свое сочинение, если он имел доступ к этому очерку:

Для меня русская грамота, как я ее узнал, икона. Какой же верующий будет изменять свою икону или подрисовывать ее? Для ревнителей старины нашего Северного края, старообрядцев [...] такие обряды, как двуперстное крестное знамение, сугубая аллилуйя и ходы посолонь, суть догматы и не подлежат обсуждению. Икона русской грамоты для меня не подлежит обсуждению (Бальмонт 1924: 230).

Здесь же Бальмонт, ссылаясь на анонимного “языковеда”, старается привести и практический довод в защиту дореформенной орфографии:

Языковед сообщает, что иностранцы, изучающие русский язык под его наблюдением, изучают его медленно, если изучение опирается на новое правописание, изучение идет гораздо успешнее при пользовании правописанием старым, и в этом последнем случае чужеземцы быстро разбираются в самом родословном древе русского языка, а не только преуспевают в попугайном его запоминании.

Нетрудно заметить, что Бальмонт фактически использует технический аргумент реформаторов – легкость обучения, но только с отрицательным знаком (как, собственно, и Лихачев в своем “утилитарном” рассуждении), что говорит о пригодности доводов “легкости обучения” для идеологических интерпретаций практически в любом направлении.

6. Заключение

Графическая система любого языка, и русская кириллическая азбука здесь не исключение – слишком весомый элемент в культуре, чтобы оставаться вне идеологических интерпретаций и оценок. Эти оценки могут опираться на один и тот же факт, но получать противоположные знаки, что характерно для процессов мифологизации, где отношение важнее доказательства. Консервативные оценки (обычно апология) чаще всего апеллируют к уже сложившимся ценностям – таким, как традиция,

вера, история, перекрывая или переориентируя чисто технические функциональные и прагматические критерии. Неоднократно повторяясь и утрачивая доказательную базу, оценки образуют фонд образов, воспроизводимых и возвращаемых в обиход в ситуациях идеологического запроса. Дискуссии о дореформенных буквах, происходившие в два первых и два последних десятилетия двадцатого столетия в условиях крупных социальных катаклизмов, сформировали свой фонд образов. Этот фонд остается доступным, и не исключен новый всплеск его использования и обогащения на фоне идеологической поляризации современного российского общества. Внешние факторы также могут стимулировать оживление оценочных подходов к алфавитам. Так, на наш взгляд, в связи с недавней официальной декларацией Казахстана о переходе на латинский алфавит неизбежен всплеск дебатов о пригодности кириллицы для тюркских языков народов РФ, прежде всего, татарского¹². Задача лингвистической имагологии при этом остается той же: фиксировать типы оценок с точки зрения характера образов, предмета оценки, способов идеологизации, а также самих идеологий, лежащих в их основе.

Литература

- Бальмонт 1924: К.Д. Бальмонт, *Русский язык (Воля как основа творчества)*, “Современные записки”, XIX, 1924, с. 206-233.
- Бахтин, Дувакин 2002: М.М. Бахтин, В.Д. Дувакин, *М.М. Бахтин: Беседы с В.Д. Дувакиным*, М. 2002.
- Бойцов 2010: М.А. Бойцов, *Что такое потестарная имагология*, в: М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский (под. ред.), *Власть и образ: очерки потестарной имагологии*, СПб. 2010, с. 5-37.
- Есенин 1962: С.А. Есенин, *Ключи Марии. Собрание сочинений в пяти томах, V. Автобиографии, статьи, письма*, М. 1962. с. 40-44.
- Карпенко 1998: Л.Б. Карпенко, *Семиотика глаголицы*, “Славяноведение”, 1998, 6, с. 61-78.
- Колесов 1988: В.В. Колесов, *Русская речь вчера, сегодня, завтра*, СПб. 1988.
- Коркмасов и др. 1933: Д. Коркмасов, К. Алавердов, С. Диманштейн, А. Нухрат (ред. колл.), *Письменность и революция*, М. 1933.
- Лихачев 1993: Д.С. Лихачев, *Медитации на тему о старой, традиционной, освященной, исторической орфографии, попорченной и искаженной врагом церкви Христовой и народа российского, изложенные в трех рассуждениях Дмитрием Лихачевым*, “Русская речь”, 1993, 1, с. 45-51.

¹² Об идеологизации дискуссии вокруг закона 2002 г. об обязательности кириллицы для татарского языка см. Sebba 2006.

- Никё 1997: М. Никё, *Гностические мотивы в "Ключах Марии" С. Есенина*, в: А.Н. Захаров, Ю.Л. Прокушев (под ред.), *Столетие Сергея Есенина, Международный симпозиум, Есенинский сборник*, III, М. 1997, с. 124-129.
- Павлова 2013: А.В. Павлова (сост.), *От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках этнической ментальности*, СПб. 2013.
- Панов 1965: М.В. Панов. "Лишние буквы" алфавита, в: В.В. Виноградов (под ред.), *Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII-XX вв.)*, М. 1965, с. 52-72.
- Поповић 1981: М. Поповић, *Јота*, Београд 1981.
- Семаков 2002: В. Семаков, *Споры о "временех" в полемической литературе Московской Руси*, "Russian and East European Studies" (Osaka), 2002, March, pp. 1- 17.
- Солженицын 1983: А. Солженицын, *Некоторые грамматические соображения*, в: Он же, *Собрание сочинений*, X, Вермонт-Париж 1983, с. 557-572.
- Успенский 1973: Л. Успенский, *По закону буквы*, М. 1973.
- Alpatov 2015: V. Alpatov, *A Latin Alphabet for the Russian Language*, в: V. Tomelleri, S. Kempgen (eds.), *Slavic Alphabets in Contact*, Bamberg 2015, с. 1-12.
- Leerssen 2007: J. Leerssen, *Imagology: History and Method*, в: M. Beller, J. Leerssen (eds.), *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: A Critical Study*, Amsterdam-New York 2007, с. 17-32.
- Khairov 2014: S. Khairov, *Writers' Linguistic Observations and Creating Myths About Languages: Czesław Miłosz and Joseph Brodsky in Search of the 'Slavonic Genius of Language'*, "Modern Language Review", CIX, 2014, 3, с. 726-748.
- Sebba 2006: M. Sebba, *Ideology and Alphabets in the Former USSR*, "Language Problems & Language Planning", xxx, 2006, 2, с. 99-125.
- Sullivan 1996-1997: J. Sullivan, *The Old Believers and Orthographic Reform in the Twentieth Century*, "Slavonica", II, 1996-1997, 3, с. 7-26.
- Treebus 1993: K. Treebus, *Enige typografische aantekeningen bij het cyrillische schrift*, в: M. Delemarre, H. Kruijzen, I. Velding, V. Wintermans (eds.), *Cyrillische letterkunde: Bijdragen over geschiedenis, uiterlijk en bruikbaarheid van het Russische alfabet*, Rotterdam 1993, с. 65-85.
- Uspenskij 2013: B. Uspenskij, *Glagolitic Script as a Manifestation of Sacred Knowledge*, "Studi Slavistici", x, 2013, pp. 7-27.

Abstract

Shamil Khairov

The Alphabet in Linguistic Imagology. Ideological and Aesthetic Values in the Disputes on the Pre-Reform Cyrillic Letters in Russia Before and After 1918

The Cyrillic alphabet as a whole and some individual characters belonging to that alphabet in particular have always been associated in the conservative Orthodox mind with tradition, faith, patriotism and a glorified past. While reformers declared that they looked at the alphabet from the point of view of its functionality, traditionalists endowed its letters with various ideological, cultural and aesthetic values. This article considers the following evaluative approaches to the Cyrillic letters: 1. The mystical iconicity of some Cyrillic letters based on the shape of the characters. 2. Various arguments in defence of the letters excluded from the Russian alphabet in 1918. 3. The mythologisation of these arguments (The Old Believers' spiritual verse of the 1990s). The main purpose of the article is to show the ways in which the ideology is hidden or openly reflected in all the arguments, including those that are purely technical or aesthetic.

Keywords

Linguistic Imagology; Orthographic Reforms; Cyrillic Script; Russian Cyrillic Alphabet; Language and Ideologies; Language Attitudes.